

50. Гліннік, В.В. Ваконная шуфляда XVIII стагоддзя / В.В. Гліннік // Архитектура и строительство Беларуси. – 1993. – № 2. – С. 31 – 32.

51. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах Белоруссии / М.О. Без-Корнилович. – СПб., 1855 – 358 с.

52. Салаўеў, А.А. Археалагічнае вывучэнне паддашша корпусаў «А» і «Г» / А.А. Салаўеў // Матэрыялы навук.-практ. канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2007 г.). – Полацк: НППКМЗ, 2008. – С. 79 – 100.

53. Поляков, С.И. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах / С.И. Поляков. – Полоцк, 2010. – (Наследие Полоцкой земли; вып. 12).

54. Викентьев, В.П. Полоцкий кадетский корпус (исторический очерк 75-летия его существования) / В.П. Викентьев. – Полоцк, 1910.

УДК 902:728.8

ГОЛОВЧИНСКИЙ ЗАМОК В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 1654 И 1708 ГГ. (ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

И.В. СПИРИН

Институт истории НАН Беларуси, Минск

Приводятся результаты анализа Головчинского замка в контексте событий 1654 и 1708 гг. (по письменным и археологическим источникам). На данный момент неясно, функционировал ли Головчинский замок в 1708 г. как оборонительный комплекс. Однако установлено, что каменная постройка на северной стороне замковой площадки была уничтожена именно в начале XVIII в., скорее всего, в ходе описанных выше событий Северной войны.

Современный Головчин – небольшой агрогородок на территории Бельничского района Могилевской области. Средневековый Головчин – родовое гнездо князей Головчинских, чьим гербом был лебедь [16, с. 580]. А.К. Киркор утверждает, что сначала этот род жил в Ряполове, который относился к Суздальской земле, и его представители носили титул князей Ряполовских, а затем, то ли путем наследства по женской линии, то ли завоевав Головчин, стали князьями Головчинскими. Известно, что уже во второй половине XVI в. род придерживался протестантского вероисповедания, а в XVII в. угас, после чего Головчин достался сначала Пацам, а затем Слушкам [3, с. 411]. Издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» сообщает о том, что в начале XVI в. Головчин, или Головчино, принадлежало дочери Ивана III и супруге короля Александра королеве Елене Ивановне, после чего перешло к князьям Ряполовским, а далее – к князьям Головчинским [9, с. 479]; т.е. автор заметки не отождествлял эти два княжеских рода. По преданию, в XVII в. Головчин был процветающим поселением, в котором действовало до 100 кузниц и 15 христианских храмов [9, с. 479] (в дневнике Богуслава Радзивилла, который датируется 1647 г., называется 5 храмов [5]).

К своему несчастью, городу как минимум трижды приходилось становиться либо ареной, либо свидетелем сражений. Так, во время Русско-польской войны 1654 – 1667 гг. в 1654 г. сначала войска князя Трубецкого выбили из города солдат Януша Радзивилла, а затем, уже в декабре того же года войска последнего разбили здесь русский гарнизон. Во время Северной войны в 1708 г. рядом с Головчиным Карл XII форсировал Вабич, опрокинув русский заслон. Несмотря на некоторые расхождения относительно истории поселения в научной литературе широко распространено общее мнение [12, с. 149; 10, с. 35], что в ходе обеих войн город был сожжен, причем после второго раза так и не смог восстановить свое былое состояние. Интересно то, что ни М. Балиньский, ни А.К. Киркор о сожжении города и замка ничего не сообщают, хотя пишут о битвах. Так, М. Балиньский коротко сообщает о том, что в 1654 г. Януш Радзивилл побил здесь россиян, а в 1708 г. тоже самое сделал и Карл XII [16, с. 580]. А.К. Киркор вообще не упоминает о битве 1654 г., а касаясь 1708 г., говорит, что войска Карла XII одержали здесь победу над войсками Петра Великого, справедливо отмечая, что это была последняя победа шведского короля [3, с. 411]. К началу XX в. местечко насчитывало всего 1300 жителей, причем 600 из них были евреями. Из культовых учреждений действующей оставалась только одна церковь [9, с. 479].

Единственное известное нам описание Головчинского замка в современной научной литературе находится в книге М.А. Ткачева «Замкі і людзі» [12, с. 147 – 149]. Поскольку выполнено оно на основе немногочисленных письменных источников, составить себе по нему более-менее цельное представление о Головчинском замке невозможно.

На данный момент нам неизвестно ни одного инвентаря или плана Головчинского замка. Выполнить его реконструкцию мы можем, опираясь пока, только на данные археологии и письменных источников.

Так, под 1585 г. Баркулабовская летопись сообщает, будто бы в Головчине «пруд сыпалы», и в полдень у «брони Остроговой» сильный гром убил 12 человек [7, с. 176].

В Национальном историческом архиве Беларуси хранится сборник документов (дневники, чертежи, планы, черновики) Богуслава Радзивилла, которые датируются 1647 г. [5], на них ссылался М.А. Ткачев [12, с. 147]. Указанный им раздел документа содержал поименный список капитальных сооружений Головчина, среди которых были городские (местские) укрепления, замок, замковые башни, Быховская брама [5]. К сожалению, никаких описаний или рисунков головчинских укреплений документ не приводит.

На сегодняшний день (рис. 1, 2) памятник представляет собой площадку, которая слегка наклонена в южную сторону и имеет практически идеальную круглую форму: по линии север-юг длина поперечного сечения составляет 90 м, по линии восток-запад – 88 м. Высота замковой площадки над поймой реки Вабич колеблется от 4 до 6 м [10, с. 34]. С южной и западной сторон к площадке примыкают два «вывода» – выступы, похожие по форме на бастионы. Между ними, по-видимому, располагался въезд. Возможно, еще один «вывод» был сильно поврежден в ходе строительства тира, который примыкает к южной стороне замка. С северо-западной стороны оборудован пониженный выступ, защищенный валом. С северной стороны, практически на краю площадки, располагается уцелевшая кирпичная подвальная часть дома, сложенная из брусчатого кирпича [14, с. 208]. Во внешней, выступающей наружу стене, в кладке, как элемент усиления конструкции также использованы валуны. Обнаруженные нами обломки кирпича-пальчатки могут говорить о том, что данная конструкция, скорее всего, использовалась позже как основа или фундамент. Можно предположить, что деревянно-земляной замок в какой-то момент был усилен «выводами», т.е., по сути, была проведена попытка адаптировать его к актуальным на тот момент методам ведения войны. Если это верно, то Головчинский замок является образцом фортификационного сооружения старого типа, которое было переделано в «бастионную крепость» с несоблюдением пропорций и минимальными затратами – без радикальных изменений конструкции самой площадки, вала и рва. Поскольку «выводы», два или более, были пристроены только с одной стороны, можно предположить, что реконструкция замка не была завершена в задуманном объеме.

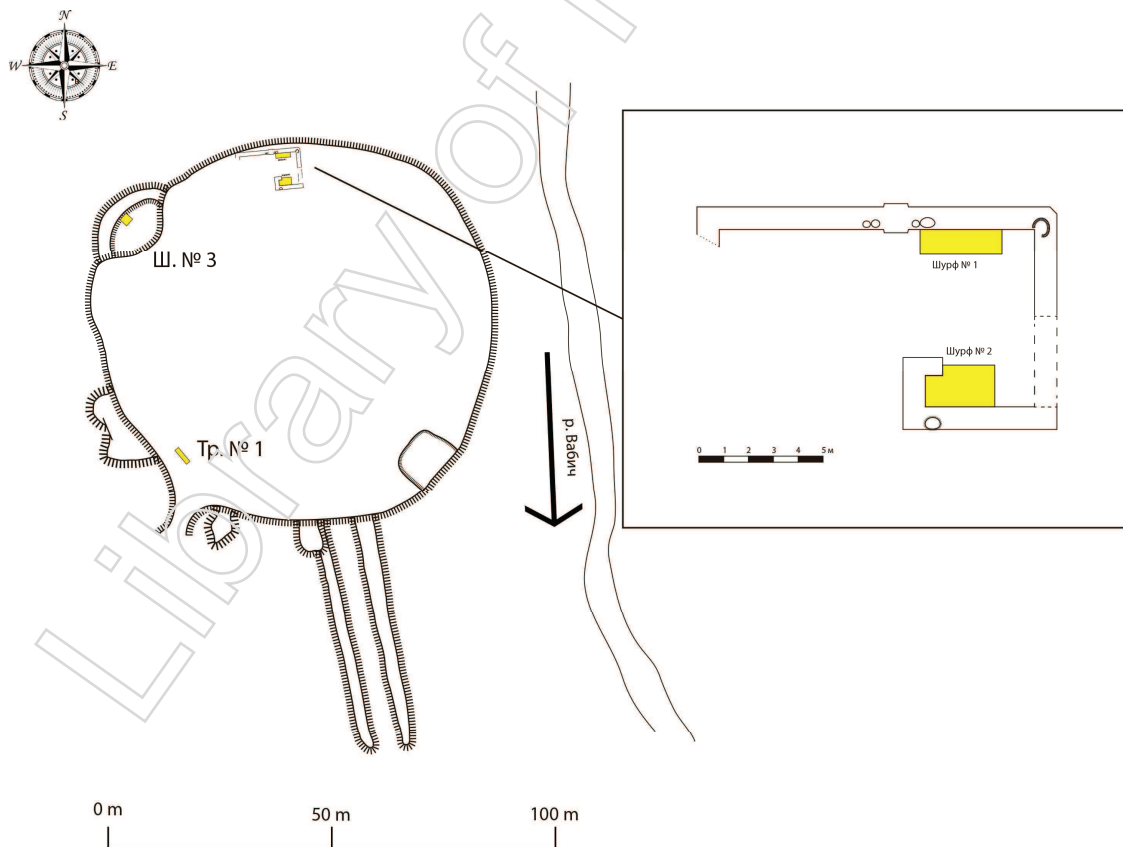

Рис. 1. Ситуационный план площадки Головчинского замка

Рис. 2. Вид на площадку Головчинского замка с запада

Теперь попробуем выяснить, сколько раз и когда горел Головчинский замок.

Известно, что 12 августа 1654 г. русские войска А.Н. Трубецкого выбили из Головчина войска гетмана Януша Радзивилла, который со своими людьми бежал к Борисову. «... бояре и воеводы Головчин повоевали и посады выжгли, и народ поимали, и из Головчина пошли за Радзивиллом к Борисову» [12, с. 149; 4, с. 46]. На наш взгляд, стоит обратить внимание на тот факт, что источник говорит о сожжении именно посадов, т.е. не свидетельствует о сожжении замка напрямую. В конце декабря этого же года войска Речи Посполитой выбили из Головчина русский гарнизон, заняв и разграбив город за то, что они присягнули русскому царю [12, с. 149; 4, с. 67]: «... а при нем де привезли в Могилев языка шляхтича, как зовут, того не ведает, а прислали его Поклонского подвезицки, Иван Миткович с товарищи, от Могилева в 5-ти милях, в Головщине. Были де к Головщине ляхи и то место высекли, и тот шляхтич после войска в Головщине во дворе спал, и его наехав взяли те Поклонского казаки» [2, с. 468]. Немного далее по тексту сообщается: «А полковники и иные начальные люди пришли с полки и стоят от Могилева в 3 милях по разным местам и уезд пустошат и людей секут и места и села и деревни жгут, а ждут Радивила вскоре» [2, с. 469]. Т.е. ни один известный автору данной статьи письменный источник не свидетельствует о сожжении замка напрямую.

Утверждая, что город был сожжен во время битвы 1708 г., М.А. Ткачев ссылается на два документа. Первый из них – Могилевская Хроника. На указанной странице находим запись о том, что московское войско, пешее и конное, а также татары и казмыки, шли через Могилев под Головчин всем войском. Там, в Головщине, войско московское должно было удержать голодное шведское войско на реке Вабич, что течет в Головщине. И что в той баталии войска московское было побито, и еще три дня раненые русские выходили на Могилев. Также высказано мнение о том, что если бы русские сумели удержать шведов еще хотя бы три дня, то шведское войско от голода бы «поздыхало» [8, с. 272]. И впереди, и далее по тексту повествуется о событиях Северной войны, но о том, что Головчин был сожжен, нигде не говорится.

Следующие два документа, на которые ссылается М.А. Ткачев, являются письмами Петра I к Борису Шереметьеву и Александру Меншикову. В обоих бумагах речь идет о Головщине, но о том, что город был сожжен, сведений нет. В обоих письмах Петр перечисляет допущенные в ходе сражения ошибки (плохо расставленные караулы, не сумевшие вовремя засечь передвижения шведов, потеря знамени и нескольких пушек, отступление в беспорядке и т.д.) и распоряжается разыскать и наказать виновных, в т.ч. генерала князя Репнина (6, с. 28).

Данные письма содержатся в первом выпуске восьмого тома издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» [6, с. 28]. Сама битва произошла 3 (14) июля. Просмотрев в указанном томе издания все документы, относящиеся к интересующему нас периоду, мы обнаружили еще несколько, где есть упоминание о Головчинской битве. Приведем здесь два из них. Первое письмо, от 5 июля, было написано Петром I уже после битвы, но еще до того, как он узнал о ее результатах:

*2466. К Борису Петровичу Шереметьеву (5 июня 1708)
Господин фельдмаршал.*

Письмо ваше, от Головчина писанное, я здесь получил, но которое отвечать инаго не имею, только дай Боже вам помощь над гордым сим неприятелем, а я всем сердцем к вам быть рад и спешу, сколько силы моей есть. Медление мое от Нарвы до Пскова было за неискусством порутчика, который командовал инавою, и конечно б я в одне судки поспел от Нарвы во Псков, но ради сего дурака принужден в третий день туды быть [о чем пространнее сам объявлю]. В протчем паки прошу Господа Бога,

дабы меня сподобил к сему вашему пиришеству и всех бы вас видеть в радости здоровых. Прошу должной мой поклон отдать господину моему товарищу и протчим господам. П и т е р.

С половины дороги от Лук до Смоленска, в 5 день июля 1708 [6, с. 15].

Второе письмо было написано 7 июля, т.е. через 4 дня после баталии. Обращает на себя внимание то, что в целом Петр I доволен результатом (6 – 8 тыс. человек смогли продержаться несколько часов, а затем организованно отошли, потеряв убитыми, по официальным данным, 547 человек). Однако, как он сам отмечает, ему еще неизвестны подробности. Узнав их, царь примет довольно жесткие меры по усилению дисциплины и показательно накажет как рядовых солдат, так и высший командный состав, что демонстрируют первые два письма.

2468. К Федору Матвеевичу Апраскину (7 июля 1708)

Господин адмирал.

Вчерашнего дня получил я из полков через капитана Вейра ведомость, что в прошлую субботу ночью неприятель со всем корпусом тое реку перешел, хотя отрезать дивизию генерала Репнина, и, нападши на оною и фельдмаршала-лейтенанта Голца, учинил бой, который пребывал с четыре часа, конницею и пехотою. И хотя не без некоторого урону, однакож неприятель своего намерения исполнить не мог. И сии оба генералы в целости отошли к главной армии. И на сем бою zelo болше неприятелей пропало, а наших считают около четырехсот, а из знатных с нашей стороны только убит генерал-маюр фон Шведень. И понеже сей посланной скоро бежал, того ради подлинно еще не ведаю; а понеже позавтрее сам туды буду, и, уведав, пространнее писать буду впредь. Однакож я zelo благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хороменко, и что от всей ево армии одна наша треть так выдержала и отошла. П и т е р.

Не доезжая до Смоленска за 98 верст, в 7 день июля 1708 году [6, с. 28].

Как мы видим, не один из вышепредставленных документов не содержит информации о том, что Головчинский замок был сожжен. Но, строго говоря, это еще не свидетельствует об обратном.

Наверное, чтобы понять, как мог пострадать Головчин, стоит в двух словах описать ход самой битвы. Русская армия под командованием фельдмаршала Шереметьева (общая численность около 28 тыс. человек) растянулась 11-километровой линией между Климовичами и Головчином. Шведы (вся армия около 30 тыс. человек) ночью напали на левый фланг русской армии, а именно корпус генерала Репнина, численность которого, по разным оценкам, составляла от 6 до 8 тыс. человек. Проблема состояла в том, что силы Репнина были отделены от армии, подчинявшейся непосредственно Шереметьеву, тремя километрами труднопроходимой болотистой местности, которая хоть и не исключала возможности маневрирования, однако сильно бы его затруднила. Среди обстоятельств, по которым Шереметьев так и не помог Репнину, на наш взгляд, наиболее правдоподобно то, что Шереметьев просто-напросто опасался флангового удара либо удара в тыл и, осознавая невозможность в таком случае быстро отразить его, оставался на месте. Судя по всему, русские в течение нескольких часов сдерживали шведов, а затем организованно, через заранее установленную переправу, отошли в лес, откуда отстреливались. Карл XII направил туда своих солдат, вооруженных пиками и шпагами, в результате чего русские беспорядочное отступили [11, с. 164; 15, с. 42; 13, с. 135] (по-видимому, именно это обстоятельство заставило Петра I в последствие применить по отношению к Репнину и «бежавшим» солдатам жесткие санкции). Таким образом, само сражение разыгралось на противоположном от города и замка берегу реки Вабич и, по сути, не могло серьезно их повредить. Следовательно, чисто логически, они могли быть сожжены либо отступающими русскими, что более вероятно, либо наступающими шведами, но уже после битвы. Исходя из всего этого, выдвинутое М.А. Ткачевым утверждение о том, что «*город у час битвы быу спалены*» [12, с. 149], кажется нам маловероятным (хотя, не имея прямых доказательств, полностью исключить такую возможность мы не можем). Помимо этого, город и замок могли быть сожжены русскими несколько позже – в сентябре 1708 г.

Для выяснения того, был ли сожжен Головчинский замок, когда и сколько раз, мы обратимся к данным археологии. Поскольку памятник исследован довольно слабо, мы не можем пренебрегать малейшей информацией.

Первые археологические исследования на памятнике были проведены Г.В. Штыховым в 1969 г. На краю замковой площадки ученым были зафиксированы «*останки какого-то подземного сооружения, сложенного из брусчатого кирпича в технике ренессансной кладки (не ранее начала XVII в.)*». Помимо этого, Г.В. Штыхов отметил отсутствие на «*городище*» культурного слоя [14, с. 208].

В 1992 г. археологические раскопки на памятнике были проведены А.В. Салопоновым. Судя по всему, исследователь выполнил инструментальные обмеры замковой площадки. В ходе проведенных археологических раскопок было заложено три раскопа общей площадью 72 м². Основную массу находок составили фрагменты терракотовых печных изразцов XVI – XVII вв., фрагменты печных изразцов, покрытые зеленой глазурью, датируемые XVIII в., фрагменты терракотовой и глазурованной керамической посуды XV – XVIII вв. Кроме того, в раскопах № 2 и 3 были обнаружены несколько венчиков керамической посуды XI – XIII вв. [10, с. 34].

Опираясь на полученные данные, А.В. Салопонов сделал следующие выводы: во-первых, поселение на замковой площадке существовало задолго до появления замка; во-вторых, замковая площадка – никакая не замковая площадка, а скорее всего или городище-убежище, или панский двор (т.к. не было обнаружено следов погрома 1708 г.) [10, с. 34 – 35].

В 2012 г. небольшие раскопки на памятнике были проведены А.М. Авласовичем, который практически весь найденный материал продатировал началом XVIII в. [1, с. 266 – 268]. Половина обнаруженных им артефактов носили на себе следы пожара [1, с. 266].

В 2013 г. археологический отряд исторического факультета МГУ им. А.А. Кулешова под руководством автора данной статьи провел дополнительные исследования на «городище».

Целью исследований было изучение культурного слоя памятника и его оборонительных сооружений, установление принадлежности оборонно-замкового комплекса к определенному типу фортификации. На территории памятника было разбито 3 шурфа и 1 траншея площадью 3,5 м², 4,8 м², 4 м² и 4 м² соответственно. Главной целью исследования было определение времени возведения оборонительных сооружений на замковой площадке, выявление их характера и структуры.

Прежде всего, был расчищен контур остатков каменной постройки, описанной Г.В. Штыховым, чтобы установить, была ли она элементом укреплений замка. Выяснилось, что данное сооружение не является оборонительным – это основание прямоугольного кирпичного здания с глубоким подвалом, возможно так называемой «ледовней». Параллельно расчистке контура сооружения в наиболее просевших местах было заложено 2 шурфа, один из которых примыкал к внешней северной стене, а второй – к внутренней несущей стене. Стратиграфия в данных шурфах, по существу, отсутствует. На всю глубину идет однородный слой, состоящий из глины, битого кирпича и другого строительного мусора. Хронология находок не зависит от глубины залегания (например, один печной изразец XIX – начала XX вв. был найден на глубине около двух метров от дневной поверхности). Нельзя обойти вниманием тот факт, что некоторые артефакты – в основном черепица – носили на себе следы пожара. К тому же, в обоих шурфах были обнаружены фрагменты сгоревших бревен. Однако такие находки попадались в виде исключения. Так как большинство материалов не выходит за рамки первой половины XVIII в., можно сделать вывод, что последний этап функционирования здания завершился именно в это время. Можно предположить, что оно сгорело во время Северной войны.

На северной стороне городища есть небольшая площадка, дневная поверхность которой существенно ниже дневной поверхности замковой площадки (рис. 3). С внешней стороны ее защищает вал высотой около 2 м. Данная защищенная площадка образует как бы пониженный выступ, назначение которого на сегодняшний день неясно. Именно здесь был разбит шурф № 3 размером 2x2 м, который своим северным профилем примыкал к основанию описанного вала. Стратиграфия шурфа включает в себя два слоя пожара. Первый слой пожара начинается практически у самой поверхности, под дерном и выражен неявно. Ему сопутствует прослойка битого кирпича. Слой второго пожара залегает на глубине 1 – 1,4 м от современной дневной поверхности. Сопутствующие слою находки немногочисленны и представлены в основном фрагментами кухонной керамики XVII – XVIII вв. Под слоем пожара находится тонкий слой перекаленной глины и песка, а сразу под ними – материковый песок. Некоторые находки имеют отчетливые следы пребывания в огне.

На юго-западной стороне площадки, недалеко от края, поперек дороги, которая и сегодня проходит через место, где некогда, предположительно, стояла брама, несколько в стороне от нее, была заложена траншея № 1 размерами 4x1 м. На глубине от 0,7 до 1 м (уровень залегания слоя понижается по линии север – юг) под культурным слоем темно-серого цвета начинался слой пожара, толщина которого в среднем составляет 0,3 м. Выявлено всего около двух десятков фрагментов стенок горшков. Есть несколько фрагментов горшковых печных изразцов. Также обнаружено картежное ядро (либо ядро от мелкокалиберной пушки). Под слоем пожара находится слой, состоящий из суглинка серого цвета, средняя толщина которого около 0,25 м, и содержащий несколько фрагментов древнерусской керамики, а также, возможно, лепной керамики третьей четверти I тыс. н.э. (точно сказать нельзя, т.к. данная керамика представлена только фрагментами стенок). Данный слой является предматериковым. Материк состоит из коричневой моренной глины. Вещевой материал, сопутствующий слою пожара, позволяет условно датировать его 1654 г.

Рис. 3. Пониженный выступ с северной стороны замчища

Опираясь на полученные в ходе раскопок материалы, мы можем с уверенностью согласиться с первым выводом А.В. Салопонова и опровергнуть второй хотя бы потому, что навряд ли панскую усадьбу или, тем более, городище будут окружать бастионоподобными «выводами», которые отчетливо выступают с южной и западной сторон замковой площадки.

Таким образом, мы видим, что на исследованных участках замковой площадки прослеживаются следы пожаров. Здание, внутри фундамента которого были разбиты шурфы № 1 и № 2, было разгромлено в первой половине XVIII в. К сожалению, эти два шурфа не были доведены до материка, поэтому мы не можем проследить историю постройки более точно. Артефакты, относящиеся к более позднему периоду, косвенно свидетельствуют о том, что кирпичная основа здания могла использоваться вплоть до начала XX в. Их небольшое количество может говорить о том, что постройка не была разрушена внезапно, а приходила к современному состоянию постепенно. В шурфе № 3 стратиграфически прослеживается два пожара, которые разделены толстым (около 1 м) слоем суглинка, однако, судя по находкам, хронологически они относятся примерно к одному периоду (вторая половина XVII – XVIII вв.). В траншее № 1 над слоем пожара стратиграфически прослеживается культурный слой, который, хоть и слабо, насыщен находками, свидетельствует о том, что после большого пожара жизнь на замковой площадке продолжилась.

В целом, на основе представленных материалов, нами сделаны следующие выводы:

1. Данная замковая площадка на самом деле является площадкой Головчинского замка. Пока не известно точное время возведения и прекращения существования замка. Вначале он имел очертания, приближенные к кругу, затем был усилен «выводами», однако можно констатировать, что появился замок не позже второй половины XVI в., а перестал существовать как оборонительный комплекс не ранее 1654 г. (вполне возможно, что замок выполнял свои функции, хотя бы номинально, еще и в XVIII в.).

2. Головчинский замок нельзя отнести к бастионным замкам по следующим причинам: круглая форма при достаточно небольшом размере замковой площадки; маленькие размеры «выводов»; расположение выводов только с южной и западной сторон; маленькое расстояние между выводами; отсутствие вала и рва. Как памятник фортификации его можно отнести к обычному деревянно-земляному замку, который в какой-то момент усилили несколькими «выводами».

3. Хронология существования памятника широко выходит за рамки периода существования замка. Судя по всему, данная площадка начала использоваться как городище еще V – VII вв. н.э. Фрагменты печных изразцов XIX – начала XX вв., а также другие поздние материалы свидетельствуют о том, что площадка использовалась и после того, как перестала быть замком. Вполне возможно, что на ней действительно располагалась панская усадьба.

4. Остатки кирпичного строения в северной части замковой площадки не являются частью оборонительной системы замка и не относятся к сооружениям бастионного типа.

5. На данный момент неясно, функционировал ли Головчинский замок в 1708 г. как оборонительный комплекс. Однако установлено, что каменная постройка на северной стороне замковой площадки была уничтожена именно в начале XVIII в., скорее всего, в ходе описанных выше событий Северной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авласович, А.М. Археологическое исследование городища-2 у д. Головчин в 2012 году / А.М. Авласович // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 25. – Минск, 2014. – С. 266 – 269.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею / под ред. Г.О. Карпова. – Т. 14. – Присоединение Белоруссии 1654 – 1655. – С-Пб.: Типография О. Елеонскаго и К^о, 1889. – 943 с.
3. Живописная Россия / под общ. ред. П.П. Семенова. – Т. 3. Ч. 2. Западная и южная Россия. Белорусское Полесье. – М., СПб.: Товарищество М.О. Вольфа, 1882. – 496 с., ил.
4. Мальцев, А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века / А.Н. Мальцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 256 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси. – ф. 694, д. 287, л. 47б.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого / Т.8. – Вып. 1. М., 1948.
7. Полное собрание русских Летописей / сост. и ред. Н.Н. Улащик. – Т. 32. – М.: Наука, 1975. – 233 с.
8. Полное собрание русских Летописей / сост. и ред. Н.Н. Улащик. – Т. 35. – Летописи Белорусско-Литовские. – М.: Наука, 1980. – 306 с.
9. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и подорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. – Т. 1 – 14, 1899 – 1914; Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия (Описание губерний Смоленской, Могилевской, Витебской и Минской). – М., 1905. – 619 с.
10. Салапанаў, А.У. Раскопкі ў в. Галоўчыні / А.У. Салапанаў // Грыдняпроўе (Паведамленні навук. абл. краязнаўч. канф.), Магілёў, 28 кас. 1992 / Маг. абл. краязнаўч. музей. – Магілёў, 1993. – С. 34 – 35.
11. Тарле, Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию / Е.В. Тарле. – М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1958. – 479 с.
12. Ткачоў, М.А. Замкі і людзі / М.А. Ткачоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 184 с.: ил.
13. Шефов, Н.А. Битвы России / Н.А. Шефов. – М.: АСТ, 2004. – 704 с., 40 л. ил.
14. Штыхов, Г.В. Археологическая карта Белоруссии: памятники железного века и эпохи феодализма / Г.В. Штыхов. – Вып. 2. – Минск: Польша, 1971.
15. Энглунд, П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии / П. Энглунд; пер со швед. С. Белокриницей, Т. Доброницкой. – М.: Новое лит. обозрение, 1995. – 288 с.
16. Balinski, M. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym / M. Balinski, T. Lipinski. – Т. IV. – Warszawa.: 1886. – 876 с.

УДК 572

ВОЗРАСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ РАЗМЕРОВ ГОЛОВЫ И ЛИЦА У ШКОЛЬНИКОВ г. МИОРЫ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

канд. биол. наук **Т.Л. ГУРБО**

Институт истории НАН Беларуси, Минск

В 2002 – 2003 гг. было проведено комплексное антропологическое обследование детей 6 – 17 лет г. Миоры Витебской области. Всего по стандартной антропометрической программе было измерено 1179 детей (584 мальчика и 595 девочек). У детей школьного возраста г. Миоры Витебской области в соответствии с общими тенденциями развития размерных признаков головы и лица интенсивность их изменений на порядок ниже в 6 – 17 лет, чем в предшествующий период (до 6 лет). Широтные размеры лицевого отдела головы увеличиваются в 6 – 17 лет более интенсивно, чем отдельные размеры мозгового отдела. В целом, процессы формирования мозгового и лицевого отделов головы у детей 6 – 17 лет г. Миоры Витебской области, хотя и согласуются с общими тенденциями, зафиксированными зарубежными и отечественными авторами, но и имеет свои особенности, такие как: наличие перекрестов, несколько более интенсивный рост поперечного диаметра по сравнению с продольным, чем и обусловлено некоторое увеличение с возрастом головного указателя.